

пьянствовать, охотиться, вступать в схватки подобно солдатам, и убивать без различия язычников и христиан? Приводить в порядок этот хаос — бесконечная тяжкая работа. Невозможно установить, кто в этой когда-то христианской Галлии христианин, а кто язычник, если даже некоторые священники уже не умеют крестить. Следует ли считать христианами людей, спрашивает Винфрид, крещеных «in nomine Patris, et Filiae, et Spiritus Sancti»?* Конечно, отвечает Захария в 746 г. — не перекрещивайте их; этот священник, несомненно, не желал их крестить во имя «Дочери» — он просто не знает латыни.

Англосакс, воспитанный в Кентербери и прибывший из Нерслинга в Австразию, был в чем-то подобен цивилизованному человеку, высадившемуся на берег, населенный дикарями. Но впечатление становилось ужасающим, если пойти еще дальше на восток. Сам Винфрид выразил это в одной из своих поэм устами Невежества:

Ob quod semper amavit me Germanica tellus, Rustica gens hominum Sclaforum et Scythia dura*
*

Ибо этот англосаксонский миссионер был грамматиком и им оставался. Еще в Нерс-линге Винфрид написал трактат «О восьми частях речи» («De octo partibus orationis») и «О стихосложении» («De metris»). Он оставил также загадки в стихах, не лишённые обаяния, а среди его писем другу Лулле, еще одному образованному англосаксу, есть письмо десятое, полное живых образов ада и рая. По этому поводу, может быть, злоупотребляли именем Данте. Более сдержанные «видения» Винфрида напоминают скорее образы Вергилия, если не стиль, то язык которого чувствуется в поэмах Винфрида:

Idcirco penetrant Herebi subtristia nigri, Tartara Plutonis plangentes ignea regis***.

На протяжении долгих лет апостольства в Германии Винфрид всегда знал, куда обратиться за советом или поддержкой: в Рим, к папе, или в Англию, в Винчестер, к своему епископу Даниэлу — то были единственные доступные ему источники христианской культуры.

В то время как в духе «наставления для детей» (puerilis institutio), о котором писали Квинтилиан и Цицерон, посылали на континент своего первого миссионера, оно само укреплялось в Англии, в провинции, расположенной к северу от реки Хамбер (Нортумбрия, Нортумберленд). События в этой провинции были связаны с очень интересным человеком, Бенедиктом Бископом; он уже был министром короля Осви, когда в возрасте 25 лет решил стать служителем Бога. Его всепоглощающая активность великолепно отражает ту страсть, с которой германцы в Англии набросились на предложенную им христианскую культуру. Устья им было мало — они устремлялись к истокам. Едва став священником, Бископ отправляется в Рим, возвращается в Англию, потом снова едет в Рим во время понтификата Виталиана. Завершив свое образование, он проводит два года в монастыре Лерен, вступает там в орден бенедиктинцев и в третий раз возвращается в Рим. Это было время, когда Виталиан послал Теодора и Адриана в Кентербери. Бископ сопровождает их, берет на себя руководство монастырем св. Петра, которое через два года передает Адриану, после чего едет в Рим в четвертый раз. Возвращается с большим количеством книг по религиозному образованию (libros divinae eruditionis), купленных на собственные средства или подаренных друзьями. На обратном пути он получает в Вене еще один комплект книг, которые собрали специально для него, и, нагруженный этими богатствами, наконец возвращается к себе на родину, то есть не в Кент, а в Нортумберленд. За это король Эгф-рид жалуется ему из своего домена большой участок земли в устье реки Вер; отсюда название монастыря — Вермутский монастырь св. Петра (Saint-Peter of Wearmouth).